

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

шел'; raṅṅavaññāṃ atikkamanamigo 'олень, который заходит (сейчас или обычно) за ограждающий знак из листьев' : raṅṅavaññāṃ atikkantamigo 'олень, который зашел за ограждающий знак из листьев', и некоторые родственные конструкции. В полной мере видовое противопоставление реализуется только в переходных глаголах; в переходных ситуациях осложняется тем, что перфектное причастие получает пассивное значение. Поскольку словообразовательная модель на $-ta$ (+ $ttam$) явно родственна модели образования перфектного причастия, разумно предположить, что авторы абхидхармистских текстов специально создали (искусственную) модель на $-i-ta$, в форме которой сохраняется оттенок перфектности, совершенности, но которая свободна от передачи залоговых значений (тем более что суффиксом $-i-$ часто характеризуются перфектные причастия от каузативных глаголов, а характерная для образований слабая форма глагольного корня - phusaṇā , phusitattam и пр. - ассоциируется скорее с первообразным, некаузативным глаголом. Такое совмещение признаков каузатива и некаузатива оставляет впечатление чего-то вроде рефлексива от каузатива, т.е. дает активное значение, которое и требуется).

Итак, можно считать, что в тройках вида phasso : phusaṇā : phusitattam второй элемент подчеркивает процессуальность действия или проявления признака, третий — завершенность, данность его как факта, а первый семантически нейтрален к выражению процесса/результата. Очень близкую аналогию дает немецкий язык в таких формах, как Gang : das Gehen : das Gangessein .

При таком понимании использование суффиксов оказывается одним из вариантов упомянутого выше определения через деление объема понятия. В приведенном примере понятие аффекта lobho делится по объектам, использование $-ana$ и $-ita$ дает деление по видовременным характеристикам; употребление приставок связано чаще всего с делением по признаку большей или меньшей интенсивности.

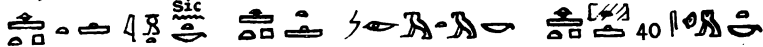

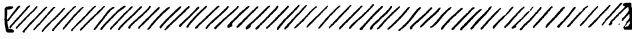

А. С. Четверухин

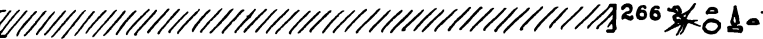

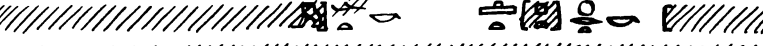

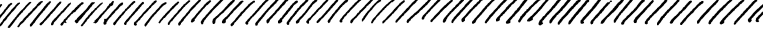
ОДНА СПОРНАЯ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ СТАРОТИПЕТСКОГО ИМЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (РГ 34 с, d)

Среди разнообразных моделей именного предложения Текстов пирамид встречается одна, весьма простая для понимания и перевода, но сложная в плане теории логико-грамматического членения, т.к. она

выпадает из общей системы. Ее анализу и посвящена эта статья.

ТЕКСТ, ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ, КОММЕНТАРИЙ И ПЕРЕВОД

W³⁹ 40
N²⁶⁸
Nt¹⁰⁸ sic
W^{dfr.7}
J⁹⁷

W⁴⁰ 33a
N²⁶⁹ 266
Nt¹⁰⁹ 110 sic 109a

W^{dfr.7}
J⁹⁸

W³⁹ htp.t jn(j.j).t n.k^I htp.t m;;.t.k^{II} htp.t⁴⁰ sdm.t.k^{III}
N²⁶⁸ [...] sdm.t.k
Nt¹⁰⁸ htp.t¹⁰⁹ jn(j.j).t n.k htp.t m;;.t.k htp(.t)^{IV} sdm.t.k
W^{dfr.7} [...] htp.t m;;.t.k htp.t [sdm.t.k]
J⁹⁷ htp[.t] [...]

W⁴⁰ htp.t m-b;h.k^V htp.t m-ht.k^{VI} htp.t hr(.j).t.k^{VII}
W^{38 a} p;.t wd;.t^{VIII}
N²⁶⁹ [...] 266 p;.t wd;.t
Nt¹⁰⁹ htp.t m-b;h.k¹¹⁰ (h)tp(.t)^{IX} m-ht.k htp.t hr(.j).t.k
Nt^{109 a} p;.t wd;.t wpj.t^X gs.wj dd-mdw zp 4 n k; nb^{XI}
W^{dfr.7} [...] [m-] ht.k htp[.t] hr(.j).t.k [...]
J⁹⁸ [...]

Издания текстов: K.Sethe, Die Altägyptischen Pyramidentexte, Bd.I-IV, Lpz., 1908-1922; A.Plankoff, The Pyramid on Unas, Princeton, 1968 /-PFU/; G.Jéquier, Le Monument funéraire de Pepi II, t.1, Le Caire, 1936; id., Les Pyramides des reines Neit et Apouit, Le Caire, 1933; id., La Pyramide d'Oudjebten., Le Caire, 1928; id., La Pyramide d'Abu, Le Caire, 1935. Комментарии и общие работы: L.Speleers, Les Textes des Pyramides Égyptiennes, t.1-2, Bruxelles, 1923-1924 /-STPÉ/; S.Mercer, The Pyramid Texts in Translation and Commentary, N.Y., vol.1-4, 1952 /-MPTTC/; R.O.Faulkner, The Ancient Egypt-

tian Pyramid Texts Translated into English /with Supplement/, Oxford, 1969 /=FAEPT/; K.Sethe, Der Nominalsatz im Ägyptischen und Koptischen, Lpz., 1916 /=SNÄK/; A.Erman, H.Grapow, Wörterbuch der ägyptischen Sprache, Bd.I-V, Bln., 1955 /=Wb./; C.E.Sander-Hansen, Studien zur Grammatik der Pyramidentexte, København, 1956 /=SHSGPT/; E.Edel, Altägyptische Grammatik, Bd.I-II, Roma, 1955, 1964 /=E./; A.H.Gardiner, Egyptian Grammar, 2nd ed., London, 1950 /=GEG²/; Н.С.Петровский, Сочетания слов в египетском языке. М., 1970 /=ПССЕЯ/.

I Правильное чтение предложено МРТТС.II.24 и FAEPT 9. По Е.I § 639 jn(j.j).t - перфектное пассивное причастие.

II SHSGPT 79: m; ;.t.k - активная относительная форма, примерно так же МРТТС.II.24. Е.I § 64I-642 и П. § 950 - имперфектное пассивное причастие.

III SHSGPT 79: sdm.t.k - активная относительная форма; Е.I. § 64I-642 - имперфектное пассивное причастие. Относительные формы, несомненно, имеют общее происхождение с пассивными причастиями, об этом много писали, см. Е.I § 654 и GEG² 380-400 and p.425-426.

IV Окончание ж.р. не выписано, но причастие согласуется по ж.р. - стало быть, перед нами элементарная описка.

V m-b;h - составной предлог - Е.П. § 780, лучший русский эквивалент "вперед", см. ПССЕЯ 139.

VI m-ht - составной предлог - Е.П. § 797, "позади" - ПССЕЯ 138.

VII Форма hr(j).t - относительное прилагательное ж.р. от предлога hr "при, возле, у" - Wb.III.315. Его можно было бы рассматривать как субстантивированную форму в значении "Habe, Besitz, Bedarf" - Wb.III.318-319. Это не противоречит смыслу, но автор вслед

за Ю.Я.Перепелкиным склонен видеть в этой форме нисбу в ее первоначальном значении, считая данное предложение обобщением предыдущих.

VIII wq; - прилагательное "целый, невредимый" - Wb.I.399-400. FAEPT 9 переводит как "свежий" (fresh).

IX Весьма странное написание, читаемое по аналогии с параллельными текстами.

X Wb.I.298 - "открывать", здесь как раз инфинитив.

XI Читаться могло только так, иначе бессмыслица. Это примечание к магическому ритуалу.

"Жертва - принесенное тебе! Жертва - видимое тобой! Жертва - слышимое тобой!"

Жертва - впереди тебя! Жертва - позади тебя! Жертва - при (буквально: "приенная")* тебе! Оладья** целая (свежая?)./ Nt¹⁰⁹

Открытие ос,их сторон***. Говорение слов 4 раза: "Для каждого

КА**!" /".

* Относительное прилагательное, образованное от предлога – грамматическое сказуемое – согласуется в роде и числе с существительным – подлежащим. О происхождении этого явления см. Н.С.Петровский, Происхождение структурных типов двусоставных предложений в египетском языке, "Древний Восток", сб. I, М., 1975, с.96–104.

**Перевод "олады" принадлежит Ю.Я.Перепелкину.

***Т.е. развернуть олады и помахать ер.

**КА – одна из "душ" египтянина. У царя их было несколько, возможно, 4.

АНАЛИЗ

Прежде всего следует отметить, что исследование логико-грамматического аспекта староегипетского именного предложения фактически было намечено А.Эрманом (последняя работа – *Ägyptische Grammatik*, Bln., 1928), продолжено в капитальном труде К.Зете (SNÄK), отчасти – в работе Э.Гардинера (GEG)² и Э.Эделя (E.), а также затрагивалось в отдельных статьях других авторов. Тем не менее, до сих пор область неизученного резко превалирует. Это в значительной мере объясняется тем, что, во-первых, этой теме уделялось мало внимания, во-вторых, тем, что исследователи почти не интересовались специальной лингвистической литературой, в-третьих, тем, что и само это направление в языковедении стало оформляться, фактически, после войны и продолжает стремительно развиваться. Сейчас этой проблемой на материале староегипетского именного предложения занимается автор данной работы. Здесь он опирается преимущественно на результаты своих еще не опубликованных исследований, построенных на египетском материале: "Именное предложение в системе староегипетского синтаксиса", "Синтаксическая функция указательного местоимения pw в староегипетском именном предложении", "Логико-грамматический предикат в староегипетском именном предложении и категории падежа и детерминации в родственных языках", "Взаимодействие логического ударения и формального логико-грамматического подлежащего в староегипетском именном предложении", "Функция староегипетских указательных местоимений в сочетании pw-p(w)-nn на материале PT I67 а", а также двух опубликованных: "Происхождение египетского именного предложения модели "имя+указательное местоимение" (ШПИКНВ XIII, П, с.175–179) и "О главных членах староегипетского предложения" (ШПИКНВ XIV, П, с.259–265) и на работах по общему языковедению. Ввиду ограниченного объема статьи автор делает минимум ссылок.

Итак, К.Зете в SNÄK 34–35 отмечает, что *h̄tp.t*, переводимое им как "Speise", "ist offenbar logisch Prädikat des Satzes".

Да, логический предикат староегипетского именного предложения, как правило, стоит впереди, но если он представлен существительным, а не группой, то непосредственно после него помещается формальный логико-грамматический субъект *pw*, или впереди него — частица *jn* (если второй главный член — активное причастие) — актуализаторы логико-грамматического предиката. Исключение — имя собственное (царя или божества), особенно если логико-грамматическим субъектом выступает группа "его имя". Значит, перед нами еще одно исключение? Это тем более интересно, что логическое ударение в староегипетском (по косвенным данным) носило в целом синтагматический характер при имени и словесный при логическом предикате — независимом личном местоимении. Не исключено и то, что существительное обладало особой морфологией, приуроченной к выражению его функции как логико-грамматического сказуемого, тогда перед нами как раз тот самый случай. Но ни логическое ударение, ни особая морфология не отражены письменностью и потому не могут помочь в анализе этого примера, а отсутствие *pw* затрудняет понимание *hṯp.t* как логико-грамматического предиката, хотя положение этого слова и наводит исследователя именно на такую мысль — *SNĀK* 34–35. С другой стороны, если подходить к логико-грамматическому членению с позиций различия "данного" и "нового", то "новым", т.е. логико-грамматическим предикатом, здесь будет не *hṯp.t* "жертва (пищей)", а все остальное — "принесенное...", "видимое..." и т.д. Именно это побудило Л. Спелеерса, в отличие от всех остальных комментаторов и переводчиков, дать такую трактовку: "Une offrande est ce que l'on t'apporte, ce que tu vois, ce que tu entends. Ton offrande est devant toi, derrière toi, autour de toi: gâteau sain". (*STRÉ* .I.5).

И если учесть, что, в конечном счете, не позиция (В.З. Панфилов, *Взаимоотношение языка и мышления*, М., 1971, с. 133), а логическое ударение (В.Е. Шевакова, *Современный английский язык*, М., 1980, с. 64–65) является релевантным признаком выделения логико-грамматического предиката — при отсутствии иных его актуализаторов —, то проблему приходится признать неразрешимой: с одной стороны — повторение слова "жертва", причем, в позиции, где обычно помещается логико-грамматический предикат, с другой стороны — информативность второго логико-грамматического члена предложения, и, наконец, необычность оформления самой конструкции.

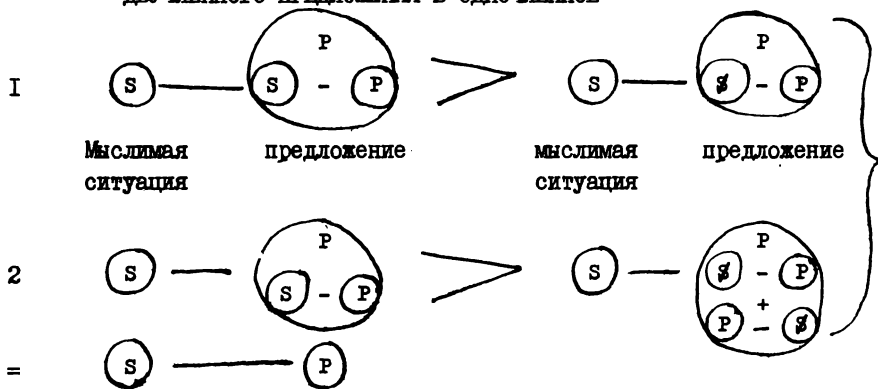
Для того, чтобы разобраться в этом вопросе, надо учесть два обстоятельства. Первое — характер текста. Перед нами магическая формула — заклинание —, смысл которой состоит в том, чтобы усопший царь принял жертвенные дары, гарантирующие ему продолжение за-

гробного существования. Несомненно, и по египетским представлениям, это был совсем не простой процесс. Закливание должно было, чтобы быть действенным, произноситься в экстазе, при этом выбирались наиболее эмоционально насыщенные формы. Перед нами как раз одна из таких конструкций. Второе – современные представления о логической структуре предложения. До недавнего времени считалось, что оно обязательно имеет субъектно-предикатную структуру, за исключением одночленных назывных. Но и одночленные предложения, в конечном счете, объяснимы как эллиптические с эксплицитным логическим предикатом и имплицитным логическим субъектом (А.Л. Пумпянский, Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе, М., 1974, с. 51–58). С другой стороны, еще ранее Л.В. Щерба выделил предложения, формально обладающие субъектно-предикатной структурой, а фактически ее не имеющие (Л.В. Щерба, Фонетика французского языка, изд. 5-е, М., 1955, с. 123–124; к этому см. также В.Г. Гак, Использование лексических средств при синтаксических трансформациях, Филологические науки, № 4, 1965, с. III), которые, как и одночленные предложения, формально нечленные в логическом плане, являются, по существу, логическими предикатами при логическом субъекте, которым является референт, т.е. ситуация, чувственно воспринимаемая, но словесно, не выраженная (П.В. Чесноков, Логическая фраза и предложение, Ростов-на-Дону, 1961, с. 71), что в условиях текста дополнительно может объясняться "сверхфразовыми единствами", объединяющими как одночленные, так и вышеупомянутые формально-двучленные предложения с вполне полноценными с точки зрения логического членения предложениями (Общее языкознание. Внутренняя структура языка, М., 1972, с. 328). Остается сделать еще один шаг – признать новую разновидность вышеуказанных предложений, которая, с одной стороны, "одночленна" по своему существу, но, с другой стороны, содержит не один, а два логических предиката, т.е. расщепленный логический предикат.

Каким образом это могло произойти? Если в предложении типа "Пришла весна." имело место стирание противопоставления S – P "за счет" S, то здесь произошло наложение двух схем (P – S и S – P) предложений с одним и тем же логическим составом: "ЖЕРТВА – ВИДИМОЕ ТОБОЙ!" и "Жертва – ВИДИМОЕ ТОБОЙ!", в результате возникает в высшей степени эмфатизированное предложение "ЖЕРТВА – ВИДИМОЕ ТОБОЙ!", где оба члена несут одинаково важную информацию, т.е. происходит стирание двух S за счет двух P. В этом нет ничего странного – предложение, включающее в свой состав формальный логико-грамматический субъект, например, "Моя задача – это исследование именованного

предложения" возникает из наложения двух схем: "Моя задача - исследование именного предложения" (с нефиксированным логическим предикатом) и "Это - исследование именного предложения" (с почти фиксированным логическим предикатом), в результате возникает новая логическая схема, почти не допускающая недвусмысленности, с группой логического предиката, состоящей из формального логико-грамматического субъекта и логико-грамматического предиката ("это - исследование именного предложения"). Интересно, что сопоставление в высшей степени "обесцвеченного" предложения и в высшей степени эмфатического еще раз демонстрирует истину - диалектическую по своей природе - о том, что крайности сходятся. Сказанное можно продемонстрировать при помощи схемы, которую можно озаглавить так:

**ДВА ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СЛУЧАЯ ЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ДВУЧЛЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ОДНОЧЛЕННОЕ**

И, наконец, если в именном предложении в некоторых случаях допускается иррелевантность различения грамматических субъекта и предиката, то почему не допустить случай иррелевантности его логико-грамматического членения?

З.А. Юсупова

**КОНСТРУКЦИИ С ПАССИВНЫМИ ГЛАГОЛАМИ
(на материале курдского языка)**

В настоящей статье рассматриваются основные модели конструкций образуемых глаголом в пассиве (показателем которого выступает суффикс -г-), а также значения, заключенные в этих моделях.